

К ВОПРОСУ ОБ АВТОБИОГРАФИЗМЕ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблема автобиографизма в древнерусской литературе, так или иначе затронутая в исследованиях многих ученых (В. О. Ключевский, С. А. Зеньковский, Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон, В. Е. Гусев, Т. Н. Копреева, Н. С. Демкова, Л. А. Дмитриев, Н. В. Поньрко, М. Б. Плюханова и др.),¹ и по сей день не перестает привлекать внимание медиевистов, осмысляющих самые разные аспекты содержания, поэтики и духовно-нравственной направленности памятников древнерусской книжности. Небезынтересный опыт рассмотрения своеобразия старообрядческой литературы, и прежде всего литературы автобиографической, через призму нравственной философии М. М. Бахтина² предпринят совсем недавно О. Н. Бахтиной в специальной монографии.³ Теоретические положения нравственной философии М. М. Бахтина о том, что автор — это ответственная перед миром личность, способная на ответственный акт-поступок самоотречения; автор своим творчеством проявляет интенсивную духовно-

¹ См., например: *Ключевский; Zenkovsky S. A. Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1956. Jahrgang I. Heft 3; Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958; 2) Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 79—96; Робинсон А. Н. 1) Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 203—224; 2) Автобиография Епифания // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 101—132; 3) Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследование и тексты. М., 1963; Гусев В. Е. О жанре Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 192—202; Копреева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 94—108; Демкова Н. С. 1) К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 228—232; 2) Творческая история Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 197—219; 3) Житие протопопа Аввакума: Творческая история текста. Л., 1974; Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 181—202; Поньрко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387; Плюханова М. Б. Пустозерская проза. М., 1989; и др.*

² Бахтин М. М. 1) Эстетика словесного творчества. М., 1979; 2) Человек в мире слова. М., 1995.

³ Бахтина О. Н. Старообрядческая литература и традиция христианского понимания слова. Томск, 1999.

нравственную работу, осознавая персональную причастность к целому, понимаемому как христианский мир, и создает описание своей жизни-поступка как «самоотчет-исповедь», — эти положения философии М. М. Бахтина помогают О. Н. Бахтиной связать единой непрерывной линией все рассмотренные ею произведения преимущественно старообрядческой традиции, проанализированные «в христианском контексте с позиции христианского понимания слова».⁴

В общем ряду старообрядческих памятников О. Н. Бахтина рассматривает несколько древнерусских автобиографических произведений более раннего, «достарообрядческого» времени, подчеркивая общность традиции и никак не учитывая различия памятников двух разных эпох, т. е. игнорируя тот принципиально важный отпечаток, который привнесла в структуру личностного сознания трагическая эпоха раскола русской церкви. При рассмотрении автобиографических произведений Мартирия Зеленецкого, Елеазара Анзерского О. Н. Бахтина, цитируя отдельные положения из моей монографии, в которой анализу этих памятников посвящены специальные главы,⁵ подвергает сомнению продуктивность моего подхода к изучению генезиса автобиографизма в древнерусской литературе: «При таком подходе получается, что автобиографизм везде был и есть и при этом никак не может быть „уловлен“, поскольку не является основным признаком жанра»,⁶ — заключает О. Н. Бахтина и ставит вопрос о том, что же именно я пытаюсь выяснить и найти в связи с наличием автобиографизма в древнерусских текстах.

Это и побуждает меня еще раз специально обратиться к письменным памятникам разных, в том числе и документальных, жанров, к текстам, которые по теме «примыкают» к жизнеописанию и, следовательно, часто соотносятся с агиографией, — биографическим запискам, расспросным «речам», духовным, завещаниям-уставам основателей монастырей и т. п. Для ясности сразу же обозначу, что при типологическом рассмотрении этого разнородного материала я буду искать как раз именно автобиографизм, буду стараться «уловить» зарождение этих самых «автобиографических элементов» и в связи с их наличием и свойствами в каждом конкретном случае попытаюсь проследить их развитие и роль в повествовании, еще раз обрисовав таким образом ту «разноликую» традицию, которая подготовила яркую и гениальную вспышку автобиографизма в творчестве Аввакума, определившую все последующее развитие старообрядческой автобиографической литературы.

Итак, первая группа памятников, представляющих для меня интерес, относится к документальному жанру расспросных «речей». По сути это свидетельские показания, составившиеся по приказу

⁴ Там же. С. 242.

⁵ *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие в древнерусской литературе: Житие Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските: Исследование и тексты. СПб., 1996.

⁶ *Бахтина О. Н.* Старообрядческая литература... С. 146—147.

нию светских или духовных властей, например, после обретения мощей какого-то святого или неизвестных нетленных мощей, от которых начинали происходить чудотворения. Такова «Записка о Макарии Калязинском»⁷ — запись изустных воспоминаний монахини Евфросинии о детстве и важнейших событиях жизни Макария Калязинского, сделанная на «расспросе» монахини в присутствии дмитровского князя Юрия Ивановича в 1524 г. после обретения мощей Макария и, очевидно, в связи с подготовкой его канонизации. Для XVII в. можно указать расспросные «речи» о чудотворениях неизвестного святого, нетленные мощи которого были чудесным образом обретенны в 1647 г. в Архангельске. Этот новоявленный чудотворец был принят за Евфимия Архангелогородского. Чудеса случались до 1665 г., и не только с жителями Архангельска, но и в Холмогорах, в предместье Архангельска Соломбале. Показания представителей самых разных слоев населения большого северного региона записывались в разных местах в разное время и составляют довольно объемную компиляцию.⁸

Эти и им подобные тексты, ввиду их документальности и «изустности», не имеют строгих ограничивающих жанровых рамок, как-то являются атрибутом любого литературного текста. Поэтому им свойственно разнообразие типов и стилей повествования, обилие жизненных бытовых подробностей, внимание к деталям, к описанию отдельных человеческих черт и психологических состояний. Чаще всего повествование ведется от 1-го лица, в рассказ так или иначе проникают реальные автобиографические детали. Но рассказчик не является здесь главным героем, главной темой своего повествования. Поэтому автобиографизма в собственном смысле здесь еще нет, однако наличествуют очень важные, обусловленные именно жанровым типом этих памятников, предпосылки для его проникновения в письменный текст. «Мерцающие», но все же уже «уловляемые», автобиографические элементы вместе с другими живыми чертами (фабульность, детализация) немало способствуют тому, что документальные по функции тексты вызывают читательский интерес и попадают в чьи-то сборники, становясь фактором литературного процесса.

Следующая группа памятников, важных для данной темы, может быть условно названа «записки-воспоминания о почитаемых наставниках». По своему первоначальному «целевому» назначению эти тексты тоже документальны, но документализм здесь прихотливо сосуществует с литературностью, которая проявляется прежде

⁷ Сохранилась в двух списках XVI в.: РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского м-ря), № 515, л. 422 об.—423; РНБ, собр. Погодина, № 1571, л. 28—29; текст издан: *Крушельницкая Е. В.* Записка о Макарии Калязинском // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 308—314.

⁸ В почти необработанном виде эти расспросные «речи» сохранились в одном списке 70-х гг. XVII в.: РНБ, собр. Погодина, № 810, л. 269 об.—296; текст издан: *Крушельницкая Е. В.* Сказание о Евфимии Архангелогородском // Рукописные памятники: Публикации и исследования. СПб., 1997. Вып. 4. С. 95—144.

всего в определенным образом (и по-разному!) выраженной авторской позиции повествователя. Из-за своей «промежуточности» (уже не документальная записка, но далеко еще не житие) этот особый жанровый тип, развившийся в XVI в. в древнерусской литературе, избежал строгого и жесткого оформления жанровых канонов. Именно это и давало возможность разнообразия форм авторской позиции в рассказе и проявления искомым мною автобиографических элементов.

К таким памятникам относятся Рассказ инока Иннокентия о Пафнутии Боровском,⁹ Повесть о кончине митрополита Макария,¹⁰ произведения волоколамского книжника Вассиана Кошки — Рассказ о кончине тверского епископа Акакия,¹¹ «Житие» Кассиана Босого,¹² «Написание» или «Слово» о старце Фотии,¹³ Сказание Евфимия Туркова о последних днях новгородского архиепископа Феодосия,¹⁴ а также Записка инока Германа о Филиппе Ирапском.¹⁵

«Особая автобиографичность» рассказа Иннокентия о Пафнутии Боровском отмечена Л. А. Дмитриевым.¹⁶ Автобиографизм этот, являясь «сознательной литературной позицией автора»,¹⁷ по своему этикетен: Иннокентий сообщает читателю только то о себе, что необходимо для повествования, и при этом просит у братии прощения за частые упоминания о себе. Автобиографический образ

⁹ Единственный список в сборнике XVI в.: РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского м-ря), № 515, л. 395—419; текст издан: ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 478—513 (публикация подготовлена Л. А. Дмитриевым).

¹⁰ Текст известен в шести списках XVII—XIX вв., самый ранний список нач. XVII в.: БАН, 31.6.27, л. 613 об.—622 об.; текст издан: Макарий, архим. (*Веретенников П. А.*). Повесть о кончине Всероссийского митрополита Макария // *Wissenschaftliche Zeitschrift Univ. Halle*. 1985. Vol. 34. G. H. 3. S. 81—88.

¹¹ Единственный известный список памятника является автографом Вассиана: РНБ, собр. Погодина, № 1564, л. 52—56 об. (см.: Крушельницкая Е. В. Два автографа волоколамского книжника Вассиана Кошки в собраниях Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки // *Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894—1987)*. СПб., 1998. С. 322—328); текст издан: БЛДР. СПб.: Наука. Т. 13. (в печати) (публикация подготовлена Е. В. Крушельницкой).

¹² Из трех известных списков памятника два являются автографами Вассиана: ГИМ, Синодальное собр., № 927, л. 104—112 об.; РГБ, ф. 178 (Музейное собр.), № 1257, л. 16 об.—24 об. — автографы, третий список в сборнике XVI в.: РГБ, ф. 98 (собр. Егорова), № 882, л. 90—95; текст издан: *Ольшевская А. А., Травников С. Н.* Древнерусские патерики. М., 1999. С. 213—217.

¹³ Известно в двух списках XVI в.: ГИМ, Синодальное собр., № 927, л. 172—178 (автограф Вассиана); РНБ, Q.XVII.64, л. 353—356 об.; текст издан: *Ольшевская А. А., Травников С. Н.* Древнерусские патерики. С. 223—226.

¹⁴ Единственный список втор. пол. XVI в. — автограф Евфимия: РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского м-ря), № 512, л. 213—225; публикацию текста см. в Приложении.

¹⁵ Читается в составе Первой редакции Жития Филиппа Ирапского, сохранившейся в поздних списках XVIII—XIX вв.; текст издан: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие... С. 179—199 (собственно текст Записки на с. 197—199).

¹⁶ *Дмитриев Л. А.* Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // *Исследования по древней и новой литературе*. Л., 1987. С. 59—64.

¹⁷ Там же. С. 64.

автора постоянно присутствует в рассказе, но всегда оказывается «в тени», не заслоняет главного героя, индивидуальность которого обрисована в характерных высказываниях и поступках.

В сравнении с рассказом Иннокентия отчетливо выступают особенности рассказа инока Германа о Филиппе Ирапском. Не обладая большим литературным мастерством, Герман «не справляется с этикетностью», и автобиографический образ автора в его повествовании буквально вытесняет совсем невыразительную фигуру Филиппа (живые черты Филиппа проступают лишь в его собственном кратком рассказе о своем детстве и пострижении, этот устный рассказ записан и воспроизведен Германом в форме повествования от лица Филиппа): в центре повествования оказывается сам Герман, именно его действия, мысли, переживания.

В Повести о кончине митрополита Макария, посвященной той же самой теме, что и произведения Иннокентия и Германа, совсем нет авторского «я», нет «образа» автора и каких-либо автобиографических элементов.¹⁸

По-разному проявляется личностное начало в трех произведениях одного автора — Вассиана Кошки.

В рассказе о кончине тверского епископа Акакия повествование ведется от 3-го лица, однако ткань этого повествования такова, что авторское личностное начало проявляется постоянно, поскольку везде рассказчик находится рядом с героем, в особом личностном контакте с ним, в том же пространстве и времени. По своим литературным приемам рассказ Вассиана весьма близок рассказу Иннокентия, хотя Вассиан отказался от «особой автобиографичности», свойственной произведению Иннокентия, и формально «проявил» себя только в заключительной фразе. Я называю это «искусственно скрытым автобиографизмом».

В «Слове» или «Написании» о старце Фотии, после краткого представления биографических сведений о Фотии, учителе Вассиана, читается пространное авторское отступление, поражающее своим эмоциональным тоном. Сравнивая себя со своим учителем и прибегая к традиционным самоуничижительным пассажам, Вассиан делает это настолько искренне, что становится по сути вторым героем своего повествования, героем автобиографическим.

А вот в «Житии» Кассиана Босого тот же Вассиан придерживается «нейтральной» авторской позиции, не допускает авторских отступлений и только в одном из эпизодов — о пожаре в монастыре — становится действующим лицом. И хотя Вассиан сообщает здесь о себе ценную автобиографическую подробность о том, что в то время он был келарем, эта автобиографическая деталь вполне вписывается в традиционное русло сведений о визионере чуда, например, в документальных записях о чудесах или же в агиографических сказаниях о чудесах.

¹⁸ Архим. Макарий считает, что это произведение принадлежит перу Афанасия (Андрея), автора Жития Даниила Переславского и составителя Степенной книги, см.: Макарий, архим. (Веретенников П. А.). Повесть о кончине... С. 74—93.

Совсем другое и принципиально важное свойство «автобиографического элемента» находим в повествовании Евфимия Туркова о последних днях новгородского епископа Феодосия. Это произведение замечательно своей сложной повествовательной тканью, в которую вплетены и исторические, и биографические, и молитвенно-покаянные, и панегирические мотивы. Особенно интересен тонкий переход автора от «нейтрального» отражения событий с «общей» точки зрения к отражению автором своего индивидуального восприятия происходившего. Переход этот наблюдается в кульминационный момент повествования, когда рассказывается о самом важном — о последнем дне жизни Феодосия и его преставлении. Именно тут в действие включается автор-герой. Так степень проявления авторского личностного начала становится литературным средством, маркирующим самое важное в рассказе.

Что же показывает материал произведений этого своеобразного жанрового типа, произведений, созданных преимущественно книжниками-профессионалами и несущих на себе печать их индивидуальной творческой манеры? Действительно, автобиографизм не является жанрообразующим признаком — мы видим произведения одного и того же жанрового типа с элементами автобиографизма и без них. Причем собственно автобиографизма здесь еще почти нет, можно говорить только об «автобиографичности» образа автора, появляющейся из своеобразно выраженного в повествовании личностного авторского начала, только об элементах автобиографизма. Но мы видим также, что автобиографические элементы, такие разные и всегда значимые, появляясь в повествовании, играют в нем далеко не последнюю роль и могут превращаться в выразительный художественный прием индивидуального авторского творчества.

Обратимся теперь к следующему жанру монашеской письменности, жанру тоже синкретичному, имеющему древнюю традицию, — к завещаниям-уставам игуменов-основателей монастырей. Здесь назовем «Изустную память» Герасима Болдинского,¹⁹ «Завет» Иннокентия Комельского,²⁰ «Памятцу» Мартирия Зеленецкого.²¹ Произведения этого жанрового типа я отличаю от жанра собственно монастырского устава, к каковому отношу, например, Устав Корни-

¹⁹ Единственный список в сборнике втор. пол. XVII в.: РГБ, ф. 310 (собр. Ундольского), № 301, л. 126—128а об.; текст издан: Крушельницкая Е. В. 1) Завещание-устав Герасима Болдинского // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 264—270; 2) Автобиография и житие... С. 210—212.

²⁰ Списки встречаются в сборниках XVI—XVIII вв., обычно содержащих сочинения Нила Сорского, один из списков: РНБ, собр. Погодина, № 1563, л. 17—18 (втор. пол. XVI в.); текст издан: Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 301—302; Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. Ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882. Приложение 3. С. 14—16 (ПДП. Т. 25).

²¹ Единственный список в сборнике XVII в.: РНБ, О.1.424, л. 161—176 об.; текст издан: Бычков И. А. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1879. С. 342—351; Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие... С. 285—292.

лия Комельского,²² Устав Евфросина Псковского,²³ Устав Иосифа Волоцкого.²⁴ Отличие состоит в том, что уставы имеют четкую структуру, правила объединяются по тематическому принципу в главы, имеющие соответствующие названия, и охватывают все стороны жизни монастыря. Особенности завещания-устава отражены в названии этого жанрового типа, имеющего двойную функцию: прежде всего это завещание основателя-игумена братии монастыря, включающее иногда элементы исповеди, и существенной частью этого завещания являются уставные правила, которые здесь не излагаются подробно, а лишь перечисляются в «свободном» составе и порядке. Жанровый тип завещания-устава игумена-основателя монастыря считается самым древним типом монастырских уставов и основой для формирования монастырского устава как самостоятельного жанра.²⁵ По древней традиции монастырский устав (и завещание-устав, и устав) мог начинаться рассказом игумена о своей жизни и основании монастыря,²⁶ а значит, мог включать автобиографизм уже в «открытом» виде.

Текст завещания-устава Герасима Болдинского интересен тем, что в документальном виде отражает и саму ситуацию составления, и характерные особенности содержания и стиля произведений этого жанрового типа. Это запись завещания Герасима, сделанная с его слов незадолго до смерти (ум. в 1554 г.). В автобиографической части Герасим весьма кратко сообщил об основных событиях своей жизни, назвав имена родителей, перечислив четыре основанных им монастыря и обозначив лишь самые важные фактические обстоятельства их основания. Это автобиографизм «сухой», документально-«анкетный», не имеющий никакой литературной установки.

Ближайший аналог завещания-устава Герасима Болдинского — «Завет» Иннокентия Комельского — был записан Иннокентием собственноручно и отличается тем, что не имеет вообще автобиографической части, т. е. Иннокентий, обращаясь к братии от своего имени, ничего, однако, о самом себе не рассказывает, а только призывает соблюдать устав своего учителя Нила Сорского.

Зато Мартирий Зеленецкий в своей «Памятце» настолько широко использовал гибкость жанровых рамок завещания-устава, включив в него целый цикл автобиографических рассказов об истории основания Троицкого Зеленецкого монастыря, что нужно говорить о принципиально важном историко-литературном значении этого произведения и дать ему двойное жанровое определение: изначально, по функции это завещание-устав игумена-основателя монасты-

²² Текст издан: *Амвросий (Орнатский)*. История... Ч. 4. С. 661—704.

²³ Текст издан: *Серебрянский И.* Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 508—526.

²⁴ Текст издан: ВМЧ. 9 сент. СПб., 1868. Стб. 499—615.

²⁵ См.: *Лилиенфельд Ф.* О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80—98.

²⁶ См., например, типикон Саввы Сербского (кон. XII в.), изд.: *Ђоровић В.* Списи св. Саве // Сборник Сербской Академии наук. Т. 17. Дела старих српских писаца. Београд, 1928. Т. 1. С. 5—113.

ря, а в литературном отношении это уже по сути автобиографическая повесть. Автобиографизм повествования Мартирия «искренний», по-исповедальному «откровенный», наполненный множеством реальных бытовых и психологических подробностей. Это уникальное для своей эпохи произведение не имеет аналогов и является непосредственным предшественником автобиографического творчества вождей-старообрядцев, при этом коренным образом отличаясь от него. Суть этого различия в самоосознании автором себя как главного героя своего повествования. Главная тема Мартирия — это святость Троицкого Зеленецкого монастыря, подтвержденная многими знамениями, видениями Мартирию и другим людям, самими обстоятельствами обретения именно этого святого места. В этом коренном смысле рассказ Мартирия глубоко традиционен, но своим «стихийным» автобиографизмом выходит на передовые рубежи инновационных литературных процессов.

Автобиографическая часть устава Евфросина Псковского как нельзя лучше оттеняет и традиционность произведения Мартирия, и «подлинность» его автобиографизма. Рассказывая об основании своего монастыря, Евфросин почти не касается конкретных документальных подробностей, не указывает имен, дат, топографических деталей. Автобиографизм повествования Евфросина — это традиционно-обобщенный автобиографизм, соответствующий литературному приему повествования от 1-го лица. Тем не менее здесь можно говорить именно об автобиографизме (определенного свойства), так как литературным приемом пользуется автор, рассказывающий сам о себе, о своем монастыре. Пример своеобразного «псевдоавтобиографизма», когда автор организует повествование не о себе, а о своем герое от имени этого героя, представляет известная «Повесть о Лазаре Муромском», написанная старцем Феодосием в форме завещания Лазаря Муромского.²⁷

Итак, имевшие прежде всего практические функции произведения таких жанров монастырской письменности, как завещание-устав игумена-основателя и монастырский устав, часто содержат (а иногда и не содержат) уже «действительный» автобиографизм, который имеет разные свойства у разных авторов. Важно подчеркнуть тот момент, что «действительный» автобиографизм находит глубокое традиционное обоснование своего многовариантного (а значит, относительно свободного) существования именно в жанрах не литературной, а деловой письменности. В этой связи еще раз вспомним расспросные «речи» — документальные тексты, которые свободно допускают самые разнообразные автобиографические элементы. Вспомним также и записки-воспоминания о почитаемых наставниках — этот полудокументальный, полулитературный жанр так же «половинчато» открывал возможность и для автобиографиз-

²⁷ Произведение имеет три редакции, которые представлены в 13 поздних списках; текст издан: Барминская Н. Н. Повесть о Муромском острове // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 129—132.

ма, в виде свободы выражения авторского личностного начала, образа автора в повествовании.

Как же «ведет себя» автобиографизм в случае полного отделения от документальных жанров? Пример этого видим в автобиографическом Сказании Елеазара об Анзерском ските.²⁸ Строгий аскет и художник-традиционалист, Елеазар создал новаторское и именно литературное произведение, основанное на использовании средств нескольких жанровых форм, достигших в XVII в. заключительной стадии своего развития, — от древнейшего типа патерикового слова-поучения и патериковой повести до жанров исторического повествования. Елеазару удалось осуществить дидактическую задачу непосредственно через рассказ о собственном духовном опыте, соединив поучительные эпизоды с рядом фактографических записей о знамениях на Анзерском острове, придающих повествованию своеобразную историческую тенденцию. Что касается свойств автобиографизма повествования Елеазара, то он по своей природе генетически связан с древней традицией учительной литературы (той традицией, которая представлена, например, поучениями аввы Дорофея) и значительно уступает по выразительности автобиографизму Повести Мартирия Зеленецкого. Таким образом, вне документальных жанров автобиографизм сразу попадает в жанровые литературные рамки, становится «этикетным» и далеко не таким «свободным», как в жанрах документальной письменности.

Итак, в древнерусской письменности вплоть до второй половины XVII в. я не нахожу собственно автобиографии в «чистом» виде: автобиографизм не имел своего жанрового оформления и развивался в недрах других жанров. Отсутствие «своих» жанровых канонов привело к тому разнообразию свойств автобиографизма, которое наблюдается в рассмотренных произведениях разных жанров. Эта относительная свобода проявления автобиографических элементов никогда, однако, не превращала повествование о себе в главную цель древнерусского автора. Даже в исповеди (несмотря на то что исповедь чаще всего была облечена в устную форму, сохранились отдельные письменные образцы этого жанра, например известная Исповедь Евфимия Туркова²⁹) автор весьма избирательно сообщал факты своей биографии, сосредоточиваясь на главной теме — теме

²⁸ Известно 15 списков памятника, один из которых сер. XVII в. (ОРПГФ ГММК, ф. Соловецкого м-ря, Рук-1328, столбец), остальные XVIII—XIX вв.; текст издан: ПЛДР. XVII в. Кн. 2. М., 1989. С. 299—304 (публикация подготовлена Л. А. Дмитриевым); *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие... С. 323—334; *Севастьянова С. К.* Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2001. С. 109—118.

²⁹ Единственный список ее в келейном Каноннике Евфимия Туркова: РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского м-ря), № 412, л. 77—96 об. (втор. пол. XVI в.); изд.: БЛДР. СПб.: Наука. Т. 13 (в печати) (публикация подготовлена Н. С. Демковой). Заметим, что исповедальное начало присуще и Повести Мартирия Зеленецкого, точнее, первой ее части, обращенной к духовнику Досифею и рассказывающей о первой, неудачной, попытке пустынножительства, которая была предпринята Мартирием без благословения настоятеля.

покаяния. Возникновение автобиографии как жанра (или, другими словами, жанра автобиографического жития) происходит только тогда, когда автобиографизм становится главной целью и темой повествования для автора. Для того чтобы древнерусский автор смог поставить себя самого в центр своего повествования, потребовалось коренное изменение в творческом самосознании, в представлении средневекового человека о собственной личности, — и произошло это изменение только ввиду чрезвычайных исторических и социально-культурных обстоятельств в России во второй половине XVII в.

Как мне представляется, впервые в древнерусской литературе автобиография становится главной темой повествования в так называемой «Записке» инока Епифания. Это было своеобразное предисловие к несохранившейся Обличительной книге Епифания, цель предисловия и состояла в рассказе об авторе книги.³⁰ Автобиографизм «Записки» Епифания имеет принципиально новое качество — это очевидно при сопоставлении многих эпизодов «Записки» с эпизодами из произведений Мартирия Зеленецкого и Елеазара Анзерского.³¹ В «Записке» Епифания мы видим совершенно новую концепцию главного автобиографического героя — героя действующего (хотя и оказывающегося в самых традиционных для описания жизни монаха-отшельника ситуациях). Это концепция не пассивно-созерцательного, но деятельного личностного начала, гораздо более эмоционального и динамичного.

Генетически выросшие из исповеди автобиографические жития Епифания и Аввакума отличает именно такой, «новый» автобиографизм. Перед обоими авторами стояла общая цель, и оба достигли максимального художественно сильного выражения своей идеи, прибегнув к имеющему глубокие корни потенциально «сильному» и обретенному под их пером, при их чрезвычайных жизненных обстоятельствах, совершенно новое звучание средству — автобиографизму. Определяющие общие для обоих авторов основания не привели к «одинаковости» их произведений: различия в подходах авторов к отбору материала, его расположению, принципам изображения личности показаны в исследованиях многих ученых.³² И во многом эта «непохожесть» двух памятников объясняется именно всей предшествующей традицией автобиографизма, существовавшего в многообразии своего проявления в произведениях самых разных жанров и сыгравшего определяющую роль в развитии авторского личностного начала, «индивидуализации» творчества. В автобиографических житиях Епифания и Аввакума автобиографизм впервые выступил важнейшим жанрообразующим элементом,

³⁰ Не сохранилась в рукописях и сама «Записка» инока Епифания, текст которой известен только по публикации: *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7. С. 53—63.

³¹ См.: *Крушельницкая Е. В.* Автобиография и житие... С. 151—157.

³² См., например: *Робинсон А. Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания...; *Демкова Н. С.* Житие протопопа Аввакума...; и др.

и это не могло не повлиять на дальнейшее развитие литературного процесса.

Относительно автобиографизма во всей последующей старообрядческой литературе я вижу, условно говоря, две линии: одна из них — многовариантные проявления автобиографических элементов внутри традиционных жанров — продолжает жизнь автобиографизма средневекового типа; другая линия — более поздние старообрядческие автобиографии — базируется на достижениях Епифания и Аввакума.

К первой группе я отношу предсмертные духовные завещания наставников Выговского общежития: первого уставщика Петра Прокофьева,³³ киновиархов Даниила Викулина³⁴ и Ивана Филиппова.³⁵ Е. М. Юхименко, исследуя формирование института киновиархов в Выговской старообрядческой пустыни, отмечает, что «выговские завещания глубоко традиционны», но «даже в таком традиционном жанре <...> находила отражение личность составителя».³⁶ Как и в доаввакумовское время, автобиографические элементы проявляются в этих произведениях в очень разной степени — от фактического отсутствия биографических сведений в завещаниях Петра Прокофьева и Даниила Викулина до определенно очерченной линии собственной судьбы (хотя только теми избранными событиями из жизни, которые требовали исповедания и покаяния) в завещании Ивана Филиппова.

Ко второй группе несомненно относится записанный в 1957 г. под диктовку престарелой инокини Раисы рассказ об умершем в 1894 г. старце и наставнике страннического согласия Никите Семеновиче. Значительная часть повествования имеет форму автобиографии старца. Это произведение, генетически восходящее к древнему жанру «записок-воспоминаний о почитаемых наставниках» (даже реконструкция автобиографического рассказа главного героя находит аналог в Записке инока Германа о Филиппе Ирапском, включающий автобиографический рассказ самого Филиппа), получило в научной публикации название «Исторический рассказ инокини Раисы о древнем старце Никите Семеновиче».³⁷ В эту же груп-

³³ Текст издан: *Гурьянова Н. С.* Духовное завещание Петра Прокофьева // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 139—145.

³⁴ Один из списков: РНБ, собр. Вяземского, Q.183, л. 106 об.—118 («Написание прощальное» братии), л. 118—122 (собственно изустная духовная).

³⁵ Текст издан: *The Confession of Ivan Filippov, 1744 / By V. Malyshev // Oxford Slavonic Papers.* 1964. Vol. 11. P. 22—27; см. также вновь выявленный Е. М. Юхименко список ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 73, л. 12 об.—41 об. и выявленную ею же анонимную Исповедь, атрибутируемую Ивану Филиппову «по близости темы, основных идей и формы изложения», в рукописи БАН, собр. Дружинина, № 260 (307), л. 182—187 об. (см.: *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 120. № 459 и № 460).

³⁶ *Юхименко Е. М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 317.

³⁷ Текст издан: *Мальцев А. И.* Исторический рассказ инокини Раисы о древнем старце Никите Семеновиче // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 191—206.

пу входят и подробно рассмотренные в работе О. Н. Бахтиной современные старообрядческие автобиографии Анания Клеоновича Килина³⁸ и Степана Афиногеновича Носова.³⁹ Автобиографизм произведений этой группы (даже в том случае, когда он передан через рассказ другого лица, как в повествовании инокини Раисы) отличается теми же самыми жанрообразующими свойствами, которые впервые проявились в творчестве Епифания и Аввакума, включая и саму возможность индивидуализации творчества, выбора в качестве основной его темы повествования о собственной судьбе.

На этом я завершаю краткий сравнительно-типологический обзор памятников разных жанров древнерусской письменности, в которых подспудно развивались элементы автобиографизма. Я намеренно не вдаюсь в цитирование текстов, которые в подавляющем большинстве изданы и уже хорошо известны, и поэтому, к сожалению, материал изложен несколько схематично. Главная цель настоящей статьи — ясно представить методологию моего исследования, результаты которого отражены в монографии «Автобиография и житие в древнерусской литературе». Что же дает мой подход, основанный на учете жанровой дифференциации и функциональных особенностей памятников? Мне кажется, что, во-первых, он позволяет выявить объект исследования (а именно, автобиографические элементы), во-вторых, — изучить этот объект во всем многообразии форм его проявления, и в третьих, — проследить сам путь становления тех литературных традиций, которые стали фундаментом для возникновения при объективно сложившихся исторических условиях середины XVII в. качественно нового автобиографизма, обладавшего собственными жанрообразующими свойствами. Я могу отчасти согласиться с утверждением О. Н. Бахтиной о том, что в литературе такого рода «нет и не может быть собственного эстетического начала, она не художественна, в ней нет характера и героя художественного произведения, хотя в ней могут быть художественные зарисовки, элементы психологического анализа, фабула и сюжет и т. д.».⁴⁰ Но необходимо учитывать и то, что тексты этих памятников включались в состав чetyрех сборников, следовательно, представляли для переписчиков определенный литературно-исторический интерес. Поэтому я и пытаюсь дать двойное жанровое определение (исконное функциональное и литературное) тем памятникам, особенности повествования которых (в том числе и автобиографические элементы) далеко выводили произведение за рамки того или иного жанра документальной письменности. Исследуя каждое произведение, я опираюсь на сравнительный анализ жанрово-типологических аналогов, однако, определив общее в изучае-

³⁸ Текст издан: *Килин А. К.* Коллекционирование жизненных явлений, или Повесть дней и страстей первой половины XX в. // Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 229—235.

³⁹ Текст издан: *Мелихов М. В.* Анхеныч и его видения // Мѣра. СПб., 1994. № 4. С. 40—49; 1995. № 1. С. 50—61.

⁴⁰ *Бахтина О. Н.* Старообрядческая литература... С. 143.

мых текстах, я тут же обращаюсь к поиску в них особенного, своеобразного, уникального. Безусловно, что все произведения древнерусской литературы имеют фундаментальные общие черты: каждый из рассмотренных памятников действительно может быть назван «самоотчетом-исповедью» (не в жанровом, а в идейно-нравственном смысле). И здесь оказывается ценным основанный на поисках и анализе «общего» подход О. Н. Бахтиной, позволяющий оределить критерии для понимания глубинных основ восприятия этих текстов и средневековым, и современным читателем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикую здесь, кажется, единственное остающееся до сих пор не изданным и не подготовленным к печати произведение из рассмотренного круга памятников — Сказание о последних днях новгородского архиепископа Феодосия (умер в 1563 г.), составленное его учеником Евфимием Турковым, игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря (в 1575—1587 гг.; Евфимий умер в 1587 г.).⁴¹

Текст произведения сохранился в единственном авторском списке в сборнике ученика Евфимия Левкия Акишева (игумен Иосифо-Волоколамского монастыря в 1587—1590 гг.). Судя по записям, этот сборник, написанный несколькими почерками и содержащий слова, поучения, жития, послания, являлся благословением игумена Евфимия и был впоследствии вложен Левкием Акишевым в Иосифо-Волоколамский монастырь по своей душе. В настоящее время рукопись хранится в составе собрания Иосифо-Волоколамского монастыря: РГБ, ф. 113, № 512. По филиграммам сборник датируется второй половиной XVI в. (на листах с текстом Сказания — л. 213—225 — филигрань Герб Элита — типа *Siniarska-Czaplicka J. Filigrany papierni położonych na obszarze Rzeczypospolitej Polskiej od początku XVI do połowy XVIII wieku*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969. № 339 (1577, 1578, 1571, 1574 гг.), 341 (1587 г.), 338 (1571 г.), 344 (1564 г.), 345 (1570 г.), 346 (1570 г.); эта филигрань встречается и в других частях сборника). Переплет XVI в. — доски в коже со следами тиснения, с двумя застежками.

л. 213 **О преставлении старца Феодосия, бывшего архиепископа Великаго Новага града и Пскова, и о житии его вкратце. Благослови, отче. Стихъ. Прейде къ вѣчным обителем Феодосий февр. 26.**

Лѣта 7071-го [1563 г.] месяца фев. 26 преставися архиепископъ Феодосий в пятокъ 1 недели святого великаго поста на память святого Порфирия, епископа Газскаго. Пас церковь Премудрости Бо-

⁴¹ О Евфимии Туркове и библиографию см.: *Дмитриева Р. П.* Евфимий Турков // СК. Вып. 2, ч. 1. С. 206—208.

жиа София 15 лѣтъ, а на игуменствѣ в честнѣмъ монастыре боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на Футине преж бысть 16 лѣтъ, а в монастыри пречистыя Богородици в Осифове, в своемъ обѣщании преж священства и по оставлении престола 20 лѣтъ, а всѣхъ лѣтъ живота его от рожения и до преставления 72 лѣта. Преставление же его бысть сице.

Не буди ми лгати на святого, // яко да тако похвалив, сам не ключим буду. Буди же ми Господи истинну глаголати и писати, понеже азъ, непотребный и многогрѣшный Еуфимие, Божиими судьбами сподобихся святымъ его съдинам послужити 12 лѣтъ в кѣлье у него, и молитвами его сохраняем до преставления его къ Богу, и в гроб скутати честные его мощи и положити. Да не на угрожение себѣ реку! Да не зазрите ми, братиа¹ и отцы, по Лѣствицикову слову: «Видѣхъ, — рече, — неразумна ученика, о наставничихъ добродѣтеляхъ хвалящася, и безчестие и срамъ себѣ притворяюща, а не хвалу, всѣмъ к нему рекъшим», — и како древо добро вѣтвѣ безъ плода испусти. Азъ же воистинну безплоденъ сый, якоже смоковница безплодная, покаанна плода никакоже принесохъ² и добродѣтели старца своего не стяжахъ². Да не продолжу слова, нѣсть бо полезно сквозѣ ризу лечити, // тако же и мудростию покрыти³ полезное слово.

Преже бо преставления своего архиепископъ Феодосий, за много время познавъ свое от мира отхождение, повелѣ сотворити собѣ гроб и вся надгробнаа уготовити, и свѣща, яже на одрѣ вжигают. И повелѣ жив во гробъ положити ся, бѣ бо зѣло немощенъ тѣломъ, паче же ногама. И рече в себѣ, во гробѣ лежа: «Се покой мой, здѣ вселюся». И часто глаголаше от божественаго Писания умиления глаголы: «Вѣкъ мой, — рече, — кончается, и страшный престолъ готовится, и житие мимо ходит, судъ мене ждет». Иногда же рече: «На путь бо иду нынѣ долгий, по немуже николиже ходихъ, и въ страну чуюю, идѣже никтоже знаетъ мя». Овогда же инья умиления словеса полезна: «Время ти есть омытися, о душе, и вся оттрясти». Правило же церковное сохраняя // по уставу, никакоже преступив и до послѣднаго своего издыхания, и келейный свой устав и правило и молитвы совершаа на всякъ день, аще и в велице болѣзни и тяжести от великихъ трудовъ и подвиговъ.

Бяше же тѣломъ бысть преже крѣпокъ и мужественъ, от многого труда⁴ и подвиговъ⁴ и стоанна нозѣ его опухли, бяше якоже дровие. Он же, овогда сѣдя, овогда же лежа, молитвы и правило неослабно совершаа, паче о цѣломудрии печашеся. Бяше бо девѣственникъ, от рожения не позна плотскаго грѣха, яко же и самъ повѣда нам, понеже евнухъ бѣ естествомъ плотию, и зѣло о чистотѣ прилежаше, и от помыслъ плотскихъ и злыхъ удаляеся. И сего ради сподобися от Бога

¹ Испр., в ркп. братина. ²⁻² На нижнемъ поле, в строке знак вставки в виде кружочка с точкой посередине. ³ В ркп. слово испр. из покрывати (слог ва зачеркнут). ⁴⁻⁴ На боковомъ поле, в строке знак вставки в виде «запятой».

пророчества благодати, яко не токмо свое ко Господу отхождение познати, но и далняя, яко близь, видѣти.

л. 215 Того бо лѣта благовѣрный христоролюбивый // царь и великий князь Иванъ Васильевич самодръжць, по благочестии поборник и христианьский заступникъ, по Бозѣ ревностию распалаемъ, восхотѣ ити на поганския языки и христіанохулники мерския латины, и жидове, и нѣмьци, на Полтескъ град великий. Преже бо в православии бѣше градъ той, якоже лѣтописцы повѣдаютъ. И святѣя церкви мѣногѣя во граде томъ созданы быша, и монастыри, яко же и чудотворцы явишася. И преподобная гнягини⁵ Феврония Полская именовася, и въ святѣй велицѣй церкви Софии Премудрости Божии пребываше, непрестанно моляся Господеви, и мѣсто особно на полатѣх устроено бѣше ей и до сего дни. Христіанский же царь и государь и великий князь Иванъ, самодръжць Руския земля, не терпя многѣя неправды поганых, и скверных онѣх озлобления, // и вѣре православной потреблениа, и церкви Божиа запустѣниа, и христіанския крови без вины проливаемы, и святых икон Христовых и Богородичных и святых всѣх попираемы и поругаемы, и в мѣстѣх тѣх болваны и бездушные истуканы, сирѣчь идолы, почитаемы, — и пойде со многымъ и безчисленнымъ христоролюбивымъ воинствомъ, съ цари с подручными ему, и со князи, и воеводами, и храбрыми воины. Бѣше бо тогда еще сияше благодать Божиа на Русскую землю изобилно, и царство и гради христоименитыхъ людей умножество много, якоже не мощи никомуже противитися, Богу помогающе намъ. Царь же и государь великий князь помощію же Божиєю и пречистые Богородици и великихъ чудотворцовъ, вземъ непобѣдимое оружие крестное, устремися на безбожныхъ, возьметъ же // съ собою и святителя, сиречь епископа, православнымъ наставника, и честнѣйшихъ архимандритъ, и преподобныхъ игуменовъ великихъ и честныхъ святыхъ обителей, помощниковъ духовныя молитвы и поборниковъ, таже и нашего монастыря началника игумена Леонида в полкъ христоименитыхъ приемлетъ.

л. 216 Игумень же прииде в кѣлью ко архиепископу Феодосію благословитися по царскому велѣнью ити со государемъ на безбожныхъ. Он же, на одрѣ лежа, мало восклонися и глаголя: «Богъ да благословитъ тя, господине, на великое и царское дѣло духовнаго воина, нѣсть бо наша къ крови и плоти, по апостолу, но ко владычествомъ и миродръжителемъ тмѣ вѣка сего, къ духомъ во злобе поднебеснымъ». Таже и самъ благословяетца от игумена и прощается по обычаю, и се прирече: «Мнѣ уже, — рече, — с тобою послѣдне есть // прощение и видѣние, на путь бо свой иду долги, по немуже николиже ходих, и тебя ужъ мнѣ не сождати⁶ во обитель». И се рекъ, прослезися и отпусти игумена с миромъ.

Благоволениемъ же Божиимъ и промысломъ вышняго царя, имже царие царствуютъ и мучители дрѣжать землю, и молитвами пречис-

⁵ Так в ркп. ⁶ В ркп. саждати; карандашом о испр. из а.

тые Богородици и великих чудотворцов русских, и вѣрою желанною и ревностию по благочестии, и слезами государя нашего царя великого князя Ивана самодержца, и правдою, еще же и молением святѣйшаго преосвященнаго митрополита Макариа чуднаго и всего освященнаго собора русския митрополия святые великия апостольския церкви, царю и государю державному Господь Богъ дароваль побѣду на поганых безсермень и на латинь. Град Полтескъ взялъ и ⁷епископата, рекше ⁷бискупа, святителя их, сведе, и всѣх лю//дей, л. 217 иже во граде, хотящих обратитися къ вѣре православнаго христианства, повелѣ приимати на покаание, и милость показа не предавати⁸ на смерть, не повинующих же ся црьскому его велѣнию и вѣровати не хотящих жестокосердых⁹ жидов, и лютавар злыхъ, и непокоривых латынь повелѣ огню и мечю предати. И тако отчину свою, град великий Полтескъ, благочестиа ревнитель царь и государь великий князь от диаволскаго пленения злые ереси исхытилъ, и благочестие утвѣдилъ, и многы святыя церкви Христовы и Богородичны повелѣ воздвизати, и святым всѣм, в похвалу и славу вседержителю Богу и пречистѣй его Матери и великим чудотворцом.

Се же бысть в лѣто 7000 седмъдесят первое [1563 г.] месяца февраля ¹⁰въ 20 день ¹⁰. В царствующем же граде Москвѣ и по всѣмъ градом // Русския земля еще не бѣ слышано бысть таковыя великия л. 217
об. побѣды и всемирныя радости благочестиваго царя и христоролюбиваго воинства далечняго ради разстояниа, бѣше бо от црьствующаго града врѣсть яко седмьсот¹¹. В которой же убо день царь и государь град Польшескъ пособием Божиимъ взялъ, в той же день архиепископъ Феодосий в монастыри Пречистые в кѣлье на одрѣ лежаше в величѣй своей болѣзни, не владыи руками и ногами, но благодати пророческия сподобися, глаголя сице: «Нынѣ убо великое дѣло сотворися благодатию и человеколюбием Божиимъ — царь и государь нашъ великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец, Полтескъ град взялъ и безбожныхъ латин побѣдил в сий день».

Мы же // слышаще и дивитися начахом, глаголюще в себѣ: «Что л. 218 убо глаголетъ старец? Кто может вѣдати Божиа судьбы, развѣ Святого Духа благодать?». Он же мало покоснѣвъ, рече к нам: «Что убо, не вѣруете ли реченным о Полтеске, яко такое есть? Ложныя убо пророки камениемъ побивати повелѣно есть, и мене убо камениемъ подобает побити, аще солжу. Лжа убо от неприязни есть, и аще извѣстно хотите увѣдати глаголемаа мною, пошлете во град на Воллок Ламский и познаете истинну». Мы же сказахом сия старцомъ преимущимъ во обители. Они же послаша в той час на Ламский Воллок. Слуга же монастырьский, приехав во град и слышав, яко в той нощи прогнал, от царя и государя благовѣрный князь Михайль Темрюкович новокрещенъ, ¹²егоже царь и государь своими руками

⁷⁻⁷ В ркп. частично зачеркнуто, незачеркнутым оставлен последний слог ше. ⁸ Так в ркп. ⁹ Испр., в ркп. жестокосердых. ¹⁰⁻¹⁰ На боковом поле. ¹¹ В ркп. доб. на боковом поле вместо зачеркнутого в строке тысяща. ¹²⁻¹² Доб. на нижнем поле; в строке знак вставки в виде двух косых параллельных черточек.

крестил и сестру его, царицу Марию, за себя взял¹². Слуга же посланный приде во град Волокъ, слышав // такую радостную вѣсть — побѣду и одолѣние православнаго царя, скоро възвратися в монастырь, повѣдая неложное пророчество и проповѣдание архиепископа Феодосиа о граде Полтеске. И прославихом Бога и пречистую Богоматерь, молебнаа совершающе, поюще благодарения кананы¹³.

Старец же начать конечно изнемогати болѣзнию. Тоя же седмицы в понеделникъ 1 неделя великаго поста в нощи начат молитву Исусову творити и возбужати нас, служащих ему, от труда почивающих. Он же многажды молитву глаголя: «Господи Исусе Христе Боже наш, помилуй нас! Встаните, братие, Бога ради!». Феодосий же, ученикъ его, глаголемый Плещеев, вскочивъ скоро, прииде к нему, баше бо любимъ ему многыя ради добродѣтели его, смирения и // разсуднаго послушаниа. Пришедше и глагола ему: «Что, господине, хочещи?». Он же рече: «Бога ради преврати мя». Феодосий же возбуди нас. Таже рече Феодосию: «Вижу, брате Феодосие, яко грѣхъ моих ради болѣзнь моя продолжися, и вамъ трудно есть. Аз же паче себе о вас скорблю, но потрѣпите Бога ради мало, до пятницы, и Господь сотворит с нами милость — всѣм вам от трудовъ, а мнѣ от жития сего».

Таже во фторникъ ¹⁴ нед. святого поста¹⁴ причастник бывает пречистых и животворящих таин Христа Бога нашего. И лежа, радостен душею и сердечным образом весел, яко николиже болѣв. И чудно баше видѣти, яко в таковоѣ суще велицей болѣзни на одрѣ лежа б лѣт, отнюд не владѣя руками и ногами, развѣ креста животворящаго знамения¹⁵. И яко в чужем страдаше телеси, отнюд ни постенав, и приходящим к нему // всѣм бесѣдуя полезная, иноком и мирским, яко здравъ являшеса, и благодарения слово всегда во устѣх баше ему, и тѣлом не изпаде, и лице баше ему всегда весело, показуя душевную его чистоту и целомудрие и совершенное безстрастие.

В пятокъ же седмицы тоя же великиа недели мнѣ, Еуфиму, в другой кѣлье почивающу пред заутренею, ¹⁶и от сна възбрянувъ, яко¹⁶ время утрения благовѣстити. Баше бо тогда аз в службе той церковный еклисиарх, ¹⁷сиречь уставщикъ¹⁷. Азъ же скоро воставъ, придохъ в преднюю кѣлью, идѣже старец Феодосий лежитъ, и молитву сътворив, внидох в кѣлью. Старец же, лежа, храпляше не по обычаю. А свѣчник против его свѣтло горяше. Аз же против его зашед къ свѣщнику, тихо ступаа, чтоб ко мнѣ что проглаголал. Он же ничтоже не рече, токмо храпляше, // яко же во снѣ. Аз же, отшедше в сокровено мѣсто, нача глаголати от Псалтиря. И яко час мину, начаша благовѣстити утрению. Старец же нача молитву Исусову тво-

¹³ Так в ркп. ¹⁴⁻¹⁴ Доб. на боковом поле. ¹⁵ Далее в строке зачеркнуто киноварной чертой всѣми уды. ¹⁶⁻¹⁶ В ркп. доб. на боковом поле со знаком вставки в виде крестика, вместо зачеркнутого чернилами в строке и не вѣм, кто во снѣ возбуди мя, рече. ¹⁷⁻¹⁷ В ркп. доб. на нижнем поле со знаком вставки в виде крестика.

рители во услышание всѣм нам. Аз же отвѣщавъ: «Аминь». Он же рече: «Возбуди братию, Феодосия и Паисею, и призови Иеремью». Бяше бо Иеремья ученикъ его, живяше во особой своей кѣлье и по вся дни хожаше къ старцу пѣния ради церковного и келейнаго. Аз же в той час возбудих Феодосия и Паисея.

Он же, призвавъ насъ к себѣ близ одра своего, начатъ глаголати со слезами многими умиления повести от божественаго писания святого Ивана Дамаскина: «Аще бы вѣдала, душе моя, суету мира сего, то возшла бы на гору високу и узрѣла бы гроб свой, и воздохнув, рекла бы: „Приими мя, гробе, аки мати сына своего. Гроб ми есть дом превѣчный, // а червие — гости прелюбоднии. Персть ми есть жизнь нетлѣнная“». Воздохни и прослезися, душе моя, и моли Бога своего, яко да избавит тя оноа реки огненныя. И ты, Мати Господня, способствуй моему сиротству преити ону реку огненую без вреда. Ох, ох! О горе, о лють мнѣ! Вѣкъ мой скончевается, и страшный престол Божий готовитца, и душа моя нудитца изыти от тѣла, и не вѣм, камо хочет изыти. Боюся, егда возхитят ю мрачныя ефиопы. О, Пречистѣ! Клялся еси щедротами своими, не хотяи смерти грѣшнику, — ущебри мя, грѣшника, молю тя, Владыко!». И сиа изглагола с рыданием сердца и со многими слезами. Нам же стоящим у него, и плачущимъ, и рыдающим, видящим конечное его полезное поучение и от тѣла изхождение. Он же прием насъ за руцѣ, Феодо//сия и мене, рече: «Напишите себѣ сие от мене вам послѣднее слово».

И сиа рекъ, возлеже на одрѣ, въздыхая от всего сердца, и рече мнѣ: «Богъ благословит тя! Пойди къ церкви и призови ми скоро отца моего духовнаго священника Афанасия стараго, чтобы покаание проговорил и молитвы причастныя, и тайны бы пречистыя съ собою принес». Аз же, шедъ в церковь, сказах Афанасию, духовному его отцу, яко архиепископъ при конечном издыхании. И приидохом скоро в кѣлию. А прежереченный ученикъ его Иеремья преже насъ прииде и нача глаголати полунощницу и утренюю. И начахом скоро совершати церковное правило, и скончахом утренюю, и часы, та же канон причастия и молитвы причастныя. Отецъ же его духовный покаание все изглагола, а он по нем слово в¹⁸ слово чисто все.

Потом же прииде к нему епископъ бывший суздальский Трифон, // по реклу Ступишин, и мнозии от старец и братиа, благословения и прощения от него просяще. Онъ же всѣх благослови и прости, и сам также от всѣхъ прося благословения и прощения, и во всемъ себе повинна сотвори, и тако начат конечное изнемогати. Лице же его пременяшеся, овогда свѣтло и красно и полно являшеся, якоже здравому, овогда же якоже постнику, и доблѣстию сияюще. Мы же стояхом, плачуще и глаголюще: «Кому оставляеши нас, честный отче нашъ, и къ кому прибѣгнем? Ты убо по Бозе заступник нашъ и помощник во всѣхъ скръбех и напастех душевных и тѣлесных. О, горе нашему сиротству! Кормьчиа отстахом, пастыря отщетихомся, доб-

¹⁸ В ркп. нет., доб. по смыслу.

раго пристанища избыхом! Кто убо поставил бы мя на мѣсто нежительно, идѣже нѣсть отнюд глас человече//ских, идѣже есть безмолвие. И возвысив глас, плакал бых къ Богу горкими слезами и рек со стенанием: „Исцѣли мя, Господи, и исцѣлѣю! Вижу бо, Владыко, яко святыя своя, яко злато избранно, сице приемлеша от суетнаго мира сего в пакой жизни“. А мы, унылии, слабии произволением остахом тако в жесточествѣ нашем. „Увы мнѣ, увy мнѣ!“ — душе, проглаголи и прослезии».

И тако нам в себѣ глаголющем и горько плачущим, он же к нам возрѣв, конечное слово утѣшительно рече: «Имейте, — рече, — любовь между собою и не разлучайтесь, живите въкупѣ и миръ между собою имѣйте, и Богъ мира да будетъ с вами. Аминь». Та же потом добраго спутника прием, честнаго и пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа причастися. Мы же глаголахом послѣднюю молитву и отпуст: «Нынѣ отпускаеши // раба своего, Владыко, по глаголу твоему с миром». Он же тремя духовеніи предав святую свою душу в руцѣ Божии. Мы же цѣловахом мощи его, честнѣ опрятавша, и положихомъ во гробѣ, иже самъ себѣ уготова. И ископахом землю под прагомъ церковныхъ дверей на полудень, близъ гробницы преподобнаго чудотворца Иосифа, старца его, идѣже самъ заповѣда нам, преже 5 лѣтъ суще, испросив у настоятеля обители и у старцов, и послѣднее по смерти показавъ смирение, глаголя: «Бога ради сотворите милость со мною, погребите тѣло мое грѣшное под порогомъ первыхъ церковныхъ дверей, от святыхъ вратъ монастырскихъ на полуднѣйшій странѣ, близъ гробницы. Достоинъ бо есмь всегда ногами попираема». И вы//ше гроба своего повелѣ устроити и поставити образъ Вседръжителев, и пречестыя¹⁹ его Матере, и великихъ чудотворцовъ ноугородскихъ Иоана архиепископа и Варѣлама чудотворца Футынскаго,²⁰ и великаго чудотворца Николу²⁰, и иныхъ святыхъ великихъ чудотворцовъ. И свѣщу повелѣ поставити и вжигати, доколе Богъ благоволитъ, и цку на гробѣ своемъ положити и подписати, и надгробная сотворити. Мы же вся сия сотворихомъ по заповѣди отца нашего, и молитвами его и до сего дни сохраняемы пребываемъ²¹ благодатию и человеколюбиемъ Господа нашего Иисуса Христа, емуже слава со отцемъ и Святымъ Духомъ нынѣ и присно и въ вѣкы²¹.

22О ученицѣ его Феодосии Плещѣеве²².

По седмомъ же лѣте преставления святого отца нашего архиепископа Феодосия и ученикъ его любимый Феодосій отиде къ Госпо-

¹⁹ Так в ркп. ²⁰⁻²⁰ В ркп. доб. на верхнем поле, в строке знак вставки в виде крестика; слово Николу испр., в ркп. Ниниколу. ²¹⁻²¹ В ркп. доб. на нижнем поле со знаком вставки в виде двух параллельных черточек, с этим же знаком на боковом поле пометы Конец. Зри (лигатура); лигатура Зри повторена и при тексте вставки на нижнем поле; последнее слово текста вставки испр., в ркп. вѣ. ²²⁻²² На боковом поле.

ду, егоже возлюби, и къ своему учителю и нашему старцу архиепископу // Феодосию, иже всегда желаше с ним быти и водворятися не токмо здѣ, но и в будущий вѣк. л. 223
об.

Чюдно же бысть и сего вкратце рещи житие и конечное къ Господу отхождение, яко 10 лѣтъ поработа старцу своему без всякого прекословия и преслушания. Николиже убо²³ преслушавъ старцева слова, ни в малѣ, ни в величѣй вещи. Аще же что и сопротивно видяшеса, онъ же без рассужения вся творяше в кротости и смирении сердца, яко самому Христу служаше, а не человеку. И любовь нелицемѣрну стяжавъ къ игумену и къ старцу, наставнику своему, и къ всѣм еже о Христвѣ братии. И милостыню велию творяше, яко и ризы не щедя, дааше и нагья одѣвая, алчныя насыщая, жадныя напоая. И нищим всѣмъ и сирымъ // питатель и отецъ бѣше, яко и мертвых погребати, своими руками скутовая тѣлеса их, измываа, ²⁴относя на своих руках²⁴, и въ дом Божий погребаше. И печашеса зѣло о нищих, и в напастѣх всѣмъ помогаше, и зѣло милостив и кроток и смиренъ, яко всѣм братиам чюдитися добродѣтельному его житию. л. 224

И в такомъ подвижѣ и трудѣх поживе 17 лѣтъ в монастыри во всяком смиреномудрии и послушании. И смерть свою за три дни проувѣдав, и в покоании и исповѣдании честным сердцемъ отиде ко Господу, егоже возлюби. И погребохомъ его со отцы за гробницею преподобнаго старца Иосифа со многими слезами. И толико же погребение его бысть жалостно и слезно, яко ни по//коемждо от старецъ братиа плачущеса и рыдающе, яко ни единого человека обрѣсти не плачуща, и надгробнаго пѣнниа не можахом соврѣшити в слезах, священници же и диаconi и клирици глаголати не могуще от множества плача, поминающе добродѣтельное житие его и любовь нелицемѣрную. л. 224
об.

Не зарите же ми Бога ради, отцы святии и братиа, писавшему повесть сию о архиепископѣ бывшем старцѣ Феодосии, отци своем, и о ученицѣ его Феодосии. Мало отчасти сказах добродѣтельнаго житиа их и преставления, да не на мнозѣ забвено будет на осужение лѣности моей и нерадѣнню. Понеже азъ, грѣшный и непотребный²⁵, ничтоже благо сотворих от тѣхъ добродѣтели и боюся осужения оного лѣниваго раба, егоже повелѣть Господь воврещи во тму крошешнюю, от неяже да избавит нас милосердый и праведный судия и части сподобить спасаемых. Яко тому подобает слава и честь и поклоняние, в Троицы единому Богу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь. л. 225

РГБ, ф. 113 (собр. Волоколамского м-ря), № 512, л. 213—225

²³ Испр., в ркп. убу. ²⁴⁻²⁴ В ркп. доб. на боковом поле. ²⁵ Испр., в ркп. непотребные.